

МОТИВ ПОКАЯНИЯ И ПРОЩЕНИЯ В ЛИРИКЕ А.А.АХМАТОВОЙ

Н.Г.Комар

Казанский государственный университет, Bellenkaja@yandex.ru

Показано, что мотив покаяния и прощения пронизывает всю лирику А.А.Ахматовой. Он присутствует в произведениях любой тематики и связан со многими образами и мотивами. Обращение к анализу указанного мотива позволяет говорить о религиозных основах мировоззрения поэта.

Ключевые слова: *мировоззрение поэта, любовная лирика, религиозные мотивы, поэтический образ, традиция*

The article deals with the motives of redemption and forgiveness in A.A.Akhmatova's poetry. The motive is in the works of any themes and is connected to lots of images and motives. Analysis of the stated motives allows us to talk about religious basis of the poet's worldview.

Keywords: *poet's worldview, amorous poetry, religious motives, poetical image, tradition*

При исследовании творчества А.А.Ахматовой необходимо учитывать ее религиозность, веру в Бога, которую, как характерную черту ее мировоззрения, отмечали многие исследователи: и современники поэта, и литературоведы позднего времени [1]. Так, В.Н.Соколов в статье «Слово об Ахматовой», определяя источники ее творчества, первым из них называет Священное Писание [2], а во вступительной статье к антологии «Анна Ахматова: Pro et contra» С.А.Коваленко пишет: «Религиозно-философские мотивы ахматовского творчества, словно в зеркале, отражены в ее судьбе», она «через поколения восприняла духовный опыт, идею жертвы и искупления» [3].

Прежде чем приступить к анализу лирики Ахматовой, важно заметить, что «покаяние» и «прощение» — понятия религиозные, они неразрывно связаны между собой и являются условием друг друга: «и остави нам долги наша якоже и мы оставляем должником нашим», — сказано в молитве «Отче наш». Как невозможно покаяться перед Богом, не простив ближнего, так невозможно и простить ближнего без покаяния.

Мотив покаяния и прощения пронизывает всю идейно-тематическую ткань произведений Ахматовой, но ярче всего он раскрывается в любовной лирике. Если рассматривать любовную лирику Ахматовой через призму покаяния и прощения, можно увидеть, что земная любовь предстает как страсть, искушение и является антиподом евангельской любви. Обратим внимание на одну важную черту, присущую как лирической героине, так и ее возлюбленному, — непостоянство, неверность и в конечном счете неумение любить. Показательно в этом отношении раннее стихотворение «Я умею любить...» (1906). Фраза «Я умею любить» звучит рефреном, однако все остальные строчки говорят о противоположном:

Я умею любить. Я обманно-стыдлива.
Я так робко-нежна и всегда молчалива.
Только очи мои говорят.

Они ясны и чисты,
Так прозрачно-лучисты.
Они счастье сулят.

Ты поверишь — обманут... [4]

Неудивительно, что уже в раннем творчестве зарождается тема лжи и обмана, которая в дальнейшем постоянно будет присутствовать в любовной

лирике: «Любовь покоряет обманно, / Напевом простым, неискусным»; «Обману ли его, обману ли? — Не знаю! / Только ложью живу на земле». Она проникает даже в тему поэта и поэзии. В стихотворении «Поэт» (1959) Ахматова говорит, что хоть и немного, но все же берет «у жизни лукавой», в стихотворении «К стихам» есть такие пронзительные строки: «Вы были горечью и ложью, / А утешеньем — никогда».

Еще одна особенность таких отношений — стремление покорить, «приручить», «замучить», поработить. Вот строки, характеризующие лирическую героиню: «Прости меня мальчик веселый / Совенок замученный мой»; «Я-то вольная. Всё мне забава», но чаще всего это постоянная черта возлюбленного: «Вы приказали мне: довольно, / Поди, убей свою любовь! / И вот я таю, я безвольна»; «Прирученной и бескрылой / Я в доме твоём живу». Он посягает на свободу лирической героини, на ее творчество и даже запрещает молиться, в связи с чем в поэзии Ахматовой возникает образ темницы, тюрьмы: «Запрещаешь петь и улыбаться, / А молиться запретил давно», а героиня предстает «печальной узницей». С темой несвободы связана и тема ослепления («О, сердце любит сладостно и слепо»), причем чаще всего добровольного. Например, в стихотворении «Отрывок» (1912) даже со стороны видно, «что сделал любимый»:

...И кто-то, во мраке деревьев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы-любви.
Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

В последнем четверостишии отчетливо звучит мотив ослепления:

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

Но это лирическая героиня, а не сама Ахматова. Сама она все замечает, чувствует отношение к себе («Я вижу все. Я все запоминаю, / Любовно-кротко в сердце берегу»), остро ощущает его несоответствие, но порой поддается страсти, любви-искушению, и однако тут же всем своим существом противится ей. Она чувствует, что из этих отношений уходит Бог, возлюбленный стремится затмить Бога и пытается занять Его место. Так, в поэме «У самого моря» за одну только весть о возлюбленном она отдает крестильный крестик. Отсюда берет начало исток трагичности любви, а то чувство, которое считается самым прекрасным на земле, превращается в яд, нескончаемую муку, «проклятый хмель»... Поэтому так силен мотив «отравной», «душной» тоски в лирике Ахматовой: «Ты тоской только сердце измучишь, / Глядя в серую тусклую мглу»; «Ты поверь, не змеиное острое жало, / А тоска мою выпила кровь».

Не менее важной в творчестве Ахматовой является тема «первой любви» — любви к Богу, эта любовь никогда не уходит из ее сердца. Она бережно хранит прекрасные воспоминания о чистой, светлой юности («А юность была как молитва воскресная... / Мне ли забыть ее?»), о благодати, которую она испытала на исповеди:

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.
Не тот ли голос: «Дева! Встань...»
Удары сердца чаще, чаще,
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестьящей.

В этом стихотворении душа после исповеди уподобляется отроковице, которую воскресил Спаситель. В воспоминаниях лирической героини всплывает покаянный Великий канон прп. Андрея Критского: «Я в этой церкви слушала Канон / Андрея Критского в день строгий и печальный». Эта память все время прорывается в ее стихах: «Ты знал, во мне еще жива / Страстная страшная неделя», и совесть (глагол Божий в человеке) никогда не оставляет ее в покое. Ахматова дает ей такие определения: «неукротимая», «бесстрастная», «неотступная» («А я всю ночь веду переговоры / С неукротимой совестью своей»).

Совесть и память о Боге приводят героиню к раскаянию, она приносит покаяние — как вопль из глубины души: «Боже! Боже! Боже! / Как пред тобой я тяжко согрешила!»; «Нам покаянные рубахи. / Нам со свечой идти и выть»; «Прижимаю к сердцу крестик гладкий: / Боже, мир душе моей верни!». Такими порывами наполнена лирика Ахматовой, и это именно покаяние — с его упованием на милость Божию, на прощение.

Важным представляется и то, что Ахматова воспринимает себя не просто грешницей, но грешницей в величайшей степени:

Я всех на земле виноватей
Кто был, и кто будет, кто есть.
И мне в сумасшедшей палате
Валяться — великая честь.

Одновременно она чувствует и свое единство со всеми другими грешниками, показательно в этом отношении стихотворение «Будешь жить, не зная лиха» (1915):

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом,

И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.

Можно привести немало подобных примеров. Кроме того, Ахматова понимает, что это наследство Руси, и чувствует себя наследницей «покаянной рубахи» (одно из ее стихотворений так и называется «Наследница»). Вот почему в ее творчестве практически не остается места для упреков, ропота и тем более обвинений кого бы то ни было. Такое чувство покаяния созвучно такому же чувству прощения:

Я всем прощение дарую
И в воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего — в уста.

Через такое отношение к жизни Ахматова приобрела удивительное качество — она легко теряет, расстаётся, обрывает все привязанности, легко смиряется с разлуками («Разлуку, наверно, не плохо снесу, / Но встречу с тобою — едва ли»), умеет «по усопшим светло горевать», можно даже сказать, что в своей лирике она воспела потери:

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом...

Или — в «Шестой Северной элегии» (1945):

...Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...

Возникает параллель с лирикой В.А.Жуковского («О как легко я буду умирать») и с творчеством Ф.М.Достоевского («В горе ищи счастья», — говорит старец Зосима Алеше Карамазову). С таким отношением к жизни из сердца уходит страх перед земными невзгодами: «Что войны, что чума — конец им виден скорый, / Им приговор почти произнесен».

Именно в потерях Ахматова чувствует Бога, и готова быть послушной Его воле, здесь и начинается прозрение: «Тебе покорной быть, / Да ты сошел с ума! / Покорна я одной Господне воле!». Кроме того, она прекрасно понимает тщетность этих переживаний:

Что тоскуешь, будто бы вчера...
Нет у нас ни завтра, ни сегодня.
Рухнула незримая гора,
Совершилась заповедь Господня.

Эти тоска и страдания являются следствием непослушания воле Божией, что подсказывала интуиция:

«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом / Ни даже предчувствием тайным моим». Но, что самое удивительное, в разлуках, лишениях, бедах, невзгодах Ахматова, видя волю Господню, полностью принимает ее и благодарит Бога за эти потери:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

И даже «ленинградскую беду» она не то что «словом или упреком» поминает, а «земным поклоном». Через потери и лишения она обретает свободу и радость. Не случайно в ее лирике постоянно звучат пасхальные ноты: это и в ранней поэме «У самого моря» («Слышала я — над царевичем пели: / «Христос воскрес из мертвых», — / И несказанным светом сияла / Круглая церковь»), и в стихах о Победе («Рядами стройными проходят ленинградцы, / Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет»), и в стихотворении на смерть А.А.Блока «А Смоленская нынче именинница...».

В некоторых произведениях Ахматовой возникает образ лестницы: «Будто там впереди не могила, / А таинственной лестницы взлет». Образ лестницы, надо сказать, является традиционным для святоотеческой литературы. Здесь же намечается тема бессмертия, которая появляется в стихах о победе и усилива-

ется в произведениях позднего времени. Показательно, например, стихотворение «И комната, в которой я болею...» (1944), заканчивающееся строчками: «Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце, / И смертный уничтожит сон». В поздних стихах тема бессмертия раскрывается в стихах о музыке: «И слушатель тогда в свое бессмертье / Вдруг начинает верить безусловно», и особенно стихах о собственном болезненном состоянии на исходе жизни:

Недуг томит — три месяца в постели,
И смерти я как будто не боюсь.
Случайной гостьей в этом страшном теле
Я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

Таким образом, мотив покаяния и прощения пронизывает всю лирику Ахматовой, он так или иначе присутствует в произведениях любой тематики и связан со многими образами и мотивами. Два эти понятия составляют основу мировоззрения поэта.

1. Об этом см.: Мусатов В.В. «В то время я гостила на земле...» Лирика Анны Ахматовой. М., 2007. С.87-102.
2. Соколов В.Н. Слово об Ахматовой // Царственное слово. М., 1992. С.11.
3. Анна Ахматова: pro et contra. Антология.Т.1 / Отв. ред. Д.К.Бурлака; Сост., вступ. ст., примеч. С.А.Коваленко. СПб., 2001. С.5.
4. Здесь и далее цит. по: Ахматова А.А. Победа над Судьбой: В 2 т. / Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. Н.Крайневой. М.: Русский путь, 2005. Т.1: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. 512 с.; Т.2: Стихотворения. 472 с.